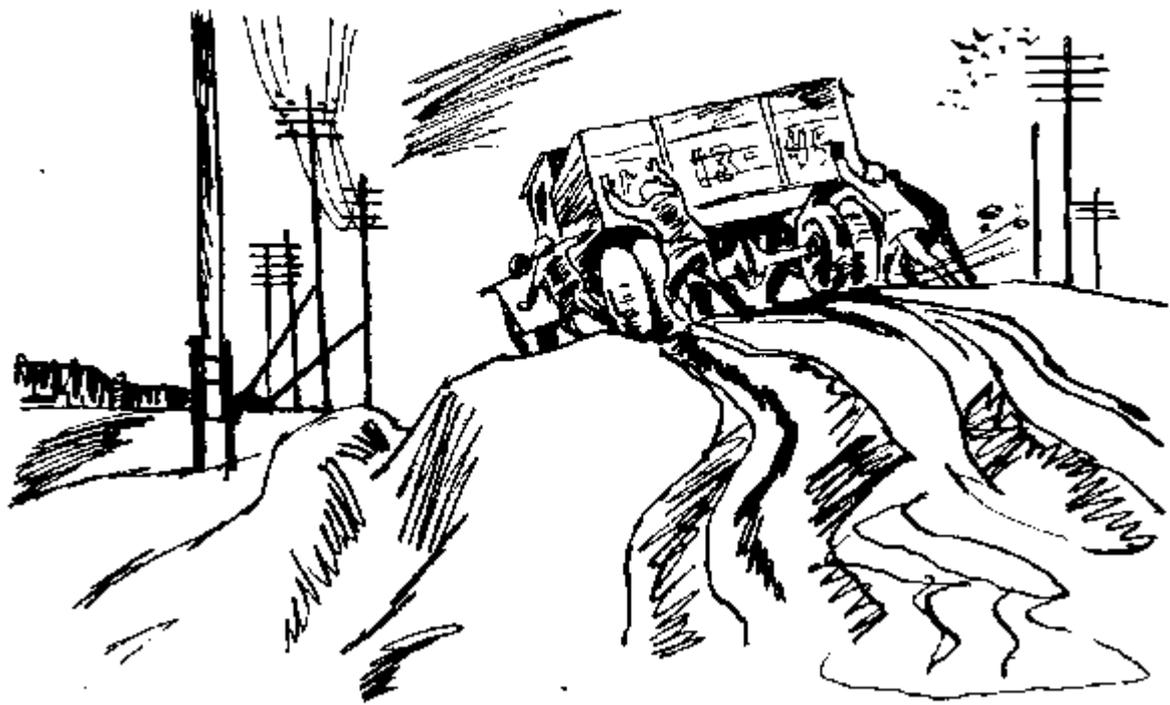

Толя *Л. Козлова*
ЗАХАРЕНКО

Все ребята из маленького городка Жабчицы завидовали Толику Захаренко. Каждому хотелось дружить с ним, и у каждого была мечта прокатиться с Толиком на грузовике.

Во всём городке насчитывалось не больше десятка грузовиков, и шофёром одного из них была мама Толика, а лапа заведовал гаражом.

Толик мог кататься сколько хотел. Чуть ли не каждую неделю мама брала его с собой в большой город Пинск, когда ездила за товаром на базу.

Но жабчицкие мальчишки не искали в дружбе с Толиком выгоды для себя. Совсем нет. Прежде всего Толик был настоящим товарищем, и умел

Весной, во время распутицы, заболел Серёжа, соседский мальчик. Врачи сказали, что его надо срочно отправить в Пинск, в больницу. А машины тогда не ходили: осенние дожди сделали дороги совершенно не проезжими. Надо было ждать, когда большак пообсохнет.

Толик решил упросить маму, чтобы она завела свой «Газик» и — в путь!

— А если завязнем? — спросила мама и посмотрела на сына.

— Если завязнем, мы подтолкнём, — с готовностью ответил Толик.

— Кто это «мы»? — заинтересовалась мама.

— А ребята из школы! — почти выкрикнул Толик. И начал подробно рассказывать маме, как он договорился со своими друзьями проводить Серёжу в больницу.

Ольга Ефимовна — так звали маму Толика — вела машину очень осторожно.

Серёжа сидел в кабине, а в кузове тряслись мальчишки. Несколько раз им пришлось выбираться из машины прямо в дорожную грязь и вытаскивать из разжиженной колеи буксующую полуторку.

Не доезжая до города километров восемь, «Газик» завяз так, что казалось всё — не вытащить!

Мальчишки набрали булыжников, набросали их под колёса, накидали ещё веток, взятых с собой досок... Пристроившись поудобней по бокам кузова, они раскачивали буксующую машину.

Грузовик урчал, гудел. Колёса бешено вращались. Булыжники вместе с грязью летели в стороны.

Подбадривая друг друга, мальчишки напрягали последние силы.

— Ура!!! — закричали все сразу, когда удалось вытолкнуть грузовик.

Довольные, забрызганные грязью, вымокшие, мальчишки снова залезли в кузов.

— Поехали!

Серёжу доставили в городскую больницу вовремя.

В первое утро войны фашистские самолёты бомбили Жабчицы так, словно в городке находилось не десяток стареньких, пропахших мазутом и хлебным зерном грузовичков, а колонны военных машин. От зажигательных бомб горело уже несколько зданий.

Толик с другими ребятами пережидал бомбёжку в поле: рожь была не особенно густая и высокая, но всё же скрывала залёгших в неё детей. Самолёты пролетали мимо, не сбрасывая своего груза в поле.

Рядом с Толиком лежал Шура, братишка, которому недавно исполнилось шесть лет. И хотя Толик был всего на полтора года старше, он чувствовал себя взрослым: братишка должен был выполнять все его «распоряжения». Первое и главное — не реветь и не вскакивать на ноги. Но Шурик всё равно хныкал и норовил во время затишья убежать домой. Толик как умел успокаивал братишку, хотя его самого трясло от страха.

Ещё вчера у Толика была мечта: съездить с мамой в город и закупить там побольше тетрадей для первого класса. И ещё — где-нибудь в поле попросить у мамы разрешения самому повести машину...

Но теперь он мечтал о другом и, утешая брата, говорил ему:

— Превратились бы мы с тобой в птиц каких-нибудь. Превратились и полетели бы на границу. Потом дальше, дальше... Увидели бы, где у фашистов аэродромы, сказали бы нашим лётчикам, и они бы все фашистские самолёты уничтожили...

За ребятами пришли на другой день утром.

— Толик! Шурик! — услышали они знакомый голос...

— Ма-м-а-а!

Ольга Ефимовна подбежала к ним.

— Мальчики мои! Завтра мы уезжаем в Гомель. Толик! Собери своих друзей и обойдите дома, предупредите всех. Отъезд утром.

—А где папа!

— Он ушёл воевать с фашистами.

До Гомеля Захаренко не доехали: заболел Шурик.

— Сойдём на первой же станции, — сказала Ольга Ефимовна.

Первой станцией была Речица.

Наказав ребятам сидеть на узлах возле станции и никуда не отлучаться, она пошла искать квартиру. «Может, — думала Ольга Ефимовна, — кто-нибудь сдаст уголок?»

Возвратилась она быстро и не одна. Вместе с ней пришла старая женщина,

— Мальчики! Мы будем жить у этой бабушки. Зовут её Аграфена Васильевна.

— Собирайтесь, милые мои, — заговорила ласково старушка. — Всем места хватит. У меня на огороде морковка растёт. Сладкая. Каротель.

Устроились у Аграфены Васильевны хорошо.

Речица оказалась похожей на Жабчицы: такая же зелёная, тихая. С огородами, садами возле каждого дома.

Через три дня мальчики уже знали на огороде каждую грядку с каротелью, а в саду каждое деревце. Неподалёку от дома, где они теперь жили, протекала река Днепр!

Толик перезнакомился почти со всеми речицкими мальчишками и вместе с ними бегал на берег, где узнавались новости о делах на фронте.

По мосту через Днепр переправлялись пушки, походные кухни. Проходили танки со звёздочками. И, конечно, — пехота. Красноармейцы шутили, завидев на берегу мальчишек!

— Айда с нами! А то кончится война — останетесь без медалей!

А через две недели по тому же мосту, уже обратно, двигались танки с вмятинами от снарядов, торопились понурые пехотинцы... Никто, казалось, не замечал мальчишек.

В день по несколько раз раздавалось: «Воздух!»

И над мостом проносились вражеские бомбардировщики.

Им вслед отвечали зенитки.

В один из очередных налётов огромный мост вздрогнул от страшного взрыва и рухнул в Днепр.

Со стороны железнодорожной станции двигались фашистские танки.

Мальчишки разбежались по домам.

Гитлеровцы вошли в Речицу — и вся жизнь сразу перевернулась. Спать ложились с одной думой: «А не случится ли завтра какая беда?» Окна наглухо закрывали ставнями, даже днём в комнате горела керосиновая лампа.

В городе хозяйничали фашисты.

Ольга Ефимовна стала часто уходить из дома на целый день, оставляя сыновей с Аграфеной Васильевной. Была она добрая, но выходить мальчишкам на улицу не разрешала.

— Вы хоть соображаете, что творится в городке. Немецкие танки там! Машины, мотоциклы... Вас раздавят, как котят!

Чтобы хоть как-то скоротать время, Толик рисовал брату цветными карандашами пушки и танки с красными звёздами, которые видел на мосту. Они стреляли в другие танки — чёрные с белыми крестами.

Все танковые бои на Толиных рисунках заканчивались победой Красной Армии.

Ольге Ефимовне нравились рисунки. Но всякий раз посмотрев их, она рвала рисунки на мелкие кусочки и бросала в печку.

Чувствуя обиду сына, она утешала его: «Подрастёшь, сынок... И поймёшь, почему я так делаю...»

Шёл второй год войны с фашистскими захватчиками.

Вероломное нападение гитлеровских войск не принесло им молниеносной победы.

Советская армия, сдерживая натиск врага, наносила ему удар за ударом.

Сокрушительный отпор получили фашисты в боях под Москвой, где нашли себе могилу тысячи гитлеровских солдат.

Во временно оккупированных районах всё сильнее развёртывалось партизанское движение. Летели под откос вражеские эшелоны, горели бензохранилища, склады продовольствия и боеприпасов, взрывались мо-

сты, нарушались линии связи, подпольные типографии печатали сводки Совинформбюро и распространяли их через своих связных.

Гитлеровцы свирепели. Устраивая облавы, они брали заложников, пытали ни в чём не повинных людей, надеясь, что под пытками люди откроют им места стоянок отрядов, выдадут подпольные организации, назовут имена тех, кто борется с врагом. Часто гестаповцы врываются в дома и по доносу или по подозрению в помощи партизанам арестовывали людей.

Однажды ночью в дверь дома Аграфены Васильевны постучали с такой силой, что проснувшийся Шурка заплакал от страха. Бабушка Аграфена, шепча молитвы, засуетилась, стала искать спички. Спичек не нашла, пришлось открывать дверь на ощупь.

Немецкие солдаты ворвались в дом. Они что-то кричали, светили карманными фонариками. Яркие лучи света выхватывали из темноты то икону бабушки Аграфены, висевшую в углу, то лицо перепуганной хозяйки. Но вот лучи фонарика скрестились в том месте, где стояла мама.

Мальчик впервые так отчётливо, ясно увидел её лицо. Оно было спокойно.

— Собирайся! — выкрикнул кто-то из темноты по-русски.

Шурка заплакал.

Толик бросился к маме, стал перед нею. И тут он вдруг ослеп: ничего не было видно. Он не сразу понял, что теперь свет фонарика направлен на него.

— Где твой отец? — услышал он.

— Отвечай!

Толик молчал.

Один из лучей скользнул по обеденному столу, скользнул и осветил чёрный пылающий немецкий танк. То был Толин рисунок, сделанный вчера.

— Партизаны?! — крикнул немец.

В доме стало тихо.

Толик увидел, как на рисунок опустилась огромная ручища, скомкала лист. И всё пропало в темноте.

Солдаты выводили под конвоем маму.

Переставший было плакать Шурка опять заревел.

Толик был уверен, что это из-за него арестовали маму. Фашистов разозлил его рисунок. Как же теперь быть без мамы? Что делать?

Мама вернулась через два дня.

Когда она вошла в дом, хозяйка заплакала и стала звать ребятишек.

Толик и Шурка очень обрадовались.

— Мам! Это из-за меня тебя арестовали? Да? — спрашивал Толик. — Да? Я не буду больше рисовать, пока здесь фашисты.

— Нет, сынок, не из-за рисунка, хотя они очень разозлились. А вы себя хорошо вели?

— Хорошо! Хорошо! И бабушку слушались, — в один голос говорили Толик и Шурка.

— Слушались! Слушались! — подтвердила хозяйка, вытирая уголком платка глаза.

А раз вечером, когда Шурка уже спал, а бабушка Аграфена вышла в сени нащипать лучины на растопку, мама села к Толику на топчан:

— Сынок! Послушай меня. Мы с тобой можем сделать так, чтобы наш папка приехал к нам... побыстрее! Понимаешь? Ты должен помочь мне. За мной следят немцы, и я не могу никуда пойти, кроме работы. А надо помочь сделать одно дело.

— Партизанам, да? — спросил обрадованный таким разговором Толик.

— Да, сынок.

— И ты тоже с ними, да?

— Да.

На базаре в Речице Толик появился рано утром. В руках у него был узелок.

Постепенно на базар съезжались крестьяне. Они выкладывали свой не-

богатый товар: картошку, овощи — привезли, чтобы обменять на крупу, мыло, соль.

Изредка прохаживались мимо прилавков немецкие солдаты, полицейские. Скоро базар заполнили речинцы.

Толик переходил от одного прилавка к другому, присматривался, чего-то выжидая.

Вот народу стало уже много.

Пора! Узелок в его руках неожиданно развязался и оттуда высыпались... листовки.

Оглядываясь по сторонам, люди подымали их, прятали кто куда.

«Теперь надо быстро уходить», — сказал сам себе Толик. Он выбрался из толпы и как ни в чём не бывало вышел с рынка.

Когда Толик ушёл с узелком на базар, Ольга Ефимовна не находила себе места. Ей всё казалось, что сына арестовали. Но в то же время была надежда, что он сделает всё так, как надо. Толик — не из трусливых. Сообразительный, находчивый!

Когда Ольга Ефимовна рассказывала сыну, куда нужно пойти и к кому, он слушал внимательно, лицо сделалось серьёзным — ему доверяли большую тайну. Запомнил он всё хорошо.

Листовки со сводками Совинформбюро ему передали речичские подпольщики. А они получили их из партизанского отряда. В отряде есть радиоприёмник, по нему слушают Москву. Имеется и печатный станок. Сводки Совинформбюро надо было распространять на базаре. Толик завершил операцию, начатую партизанами, подпольщиками, его мамой... Другого выхода не было.

И вот — уже полдень. Ольга Ефимовна смотрит в окно; с базара возвращаются люди... Оглядываются по сторонам.

Пролетели, воя, мотоциклы с немецкими солдатами.

Неужели случилось то, чего она больше всего боялась? Хотела уже идти на поиски сына, как услышала во дворе голос Аграфены Васильевны:

— Где ты это шлэндаешь, проказник?! Мать все глаза проглядела... Будет тебе сейчас от неё!..

Когда хозяйка вошла в дом, она застала мать с сыном обнявшимися. Ольга Ефимовна целовала Толика в пропылённую голову и повторяла:

— Спасибо, сынок... Спасибо, родной!

К вечеру Аграфена принесла новости. Все в городе только и говорили о листовках, о партизанах.

Хозяйка рассказывала, как бесятся немцы. Они оцепили базар, устроили облаву. Кто-то из полицаев крикнул, что в толпе партизаны. Это они разбросали листовки...

Толик улыбался и ещё крепче прижимался к маме.

Через несколько дней Толик появился уже около биржи.

Листовки люди унесли с собой. Гитлеровцы снова искали партизан, но их и след простыл.

•

Весной 1943 года гитлеровское командование начало подготовку нового наступления в районе города Курска.

Поражение войск под Ленинградом, разгром и капитуляция многотысячной армии под Сталинградом фашистские генералы пытались оправдывать суровыми условиями русской зимы, с которой пришлось столкнуться солдатам Гитлера.

Эшелон за эшелон направлялись в районы готовящегося наступления. Немецкое командование очень надеялось на новые марки танков, на своих «Тигров» и «Пантер». Гитлеровцы были уверены, что летнее наступление принесёт им победу.

•

Через Речицу в направлении Курска проходили танки «Тигр».

Одна из машин остановилась у здания комендатуры. Оттуда доносились пьяные крики, песни танкистов.

Немецкий часовой изредка поглядывал на окна, где шла пирушка. Ему было не до мальчишек, которые будто не замечали ни часового, ни то, что рядом комендатура, и играли в прятки.

Толик Захаренко водил первым.

Когда ребята спрятались, то он быстро застукал всех.

— Раз!.. Два!.. Три!.. — начал счёт новый водящий.

Ребята побежали прятаться.

— Четыре!.. Пять!.. Я иду искать...

Толик, заметив, как часовой пошёл обратно, быстро юркнул под танк.

Часовой возвращался.

Мальчик притаился. Левой рукой полез в карман.

Часовой повернул обратно.

Вот он уже прошёл мимо танка..

Водящий кончил считалку:

— Кто не схоронился, я не виноват...

Толик приложил магнитку к броне танка и вылез из-под машины.

— Толик! Вижу! — застучал его водящий.

Толик подбежал к нему.

— Ребята! — позвал он всех. — По домам. Я совсем забыл, мне надо домой. Потом отвожу.

Ольга Ефимовна ждала сына. Прежде чем поручить мальчику новое задание, она долго и подробно объясняла ему, как пользоваться магнитной миной, которую передали подпольщики для проведения операции.

Мина была с часовым механизмом и заведена так, что могла взорваться сама в нужное время. И ещё у «магнитки» было одно свойство: она могла прилипнуть к броне.

Ольга Ефимовна взглянула на часы: «Пора уже ему вернуться».

Когда Толик вбежал в Комнату, Ольга Ефимовна, сдерживая радость, бросилась к нему.

— Сынок!

— Всё в порядке, мама! Прилепил!

— Хорошо! А теперь быстро собирайся, сынок! Уходим в отряд. Таков приказ!

Танк взорвался вечером.

Выскочившие из комендатуры гитлеровцы бросились по домам разыскивать партизан. Но никого в городке не обнаружили.

Командир партизанского отряда встретил Захаренко, мать и сына, радостно.

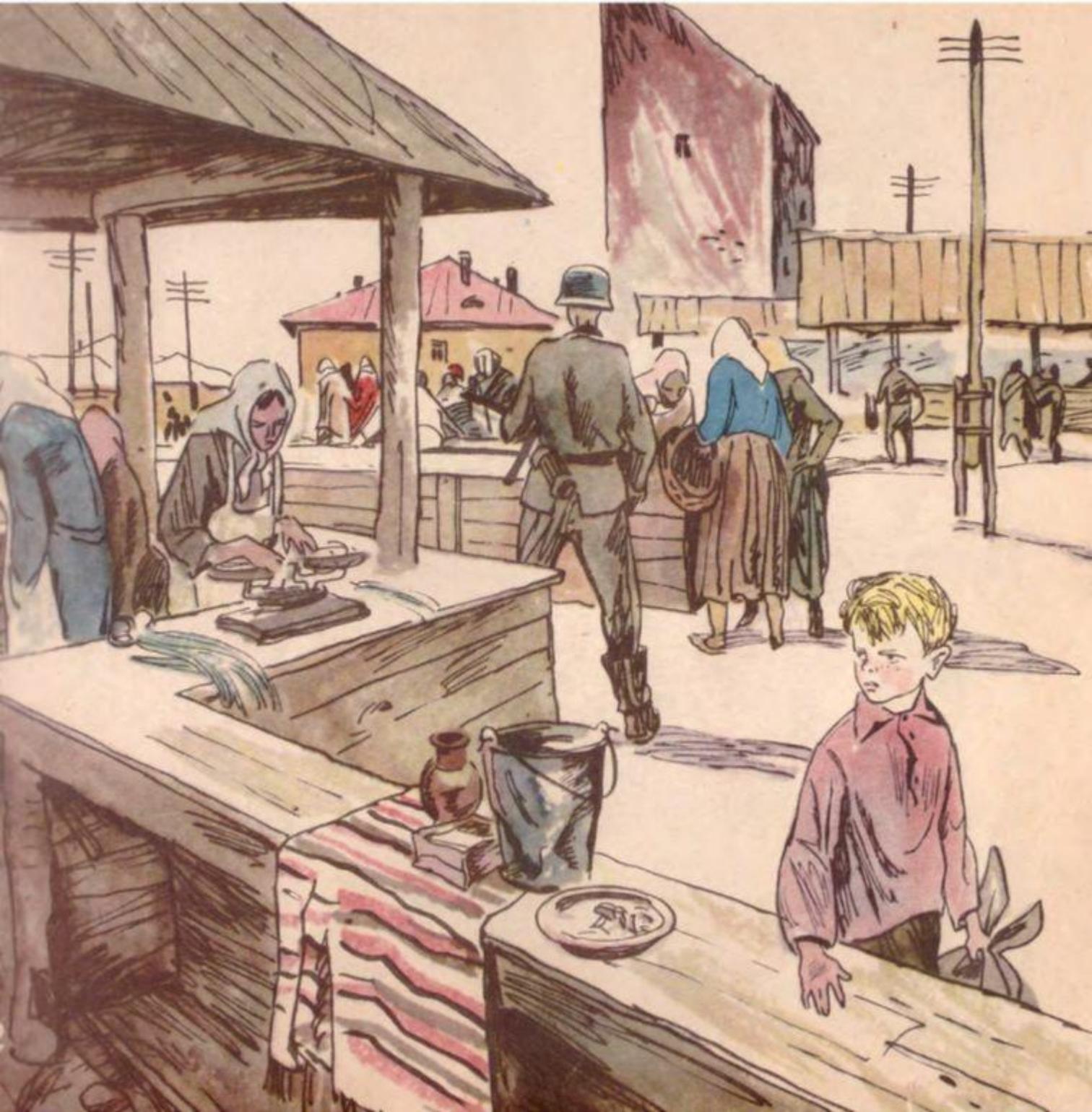
— Молодец, Толя! Помог нам. Останетесь теперь в отряде. В Речицу возвращаться, пока там гитлеровцы, нельзя.

До окончания войны Толик находился в отряде и выполнял разные задания. А когда наступил День победы, Толик получил последнее «задание» — начать учиться в школе.

В Жабчицы уже ехать не пришлось. Родственников в том городке у Захаренко не было. Отец Толи вернулся с фронта и разыскал свою семью.

Речица, где Толик, Анатолий Николаевич, живёт и поныне, стала родной. Он ходит теперь по тем улицам, где в войну пролегал его «фронт».

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Людмила Николаевна Козлова

ТОЛЯ ЗАХАРЕНКО

Художник М. Петров

Редактор О. Лебедев
Художественный редактор Д. Пчёлкина
Технический редактор Е. Соколова
Корректор Н. Шадрина

Сдано в производство 11.12.70 г.

Подписано к печати 31.1.71 г.

Бумага № 1 70X90 1/12. Печ. л. 1,3. Усл. печ. л. 1,52

Уч.-чзд. л. 0,96 Тираж 100 000

Заказ № 35-71 Изд. № 464

По оригиналам издательства «МАЛЫШ»

Комитет по печати

при Совете Министров РСФСР

Московский комбинат игрушек Российского государственного
промышленного хозрасчетного объединения по
производству игрушек «Росигрушка»
Министерства легкой промышленности РСФСР
Москва. А-130, ул. Клары Цеткин, дом 28